

Небеса разверзлись, обрушив на землю яростные потоки воды. Но на меже у края поля на мгновение воцарилась тишина.

Чэнь Пин словно оглох от раската грома, и слова господина Цзяна пролетели мимо его ушей. Растерянno, в великом смятении он переспросил:

— Господин судья?.. Вы... вы хотите сказать, что назначаете меня смотрителем этих земель?

Цзян Умянь покачал головой:

— Не просто смотрителем. Тебе предстоит отвечать за удобрение почвы, сев, использование инвентаря, следить за всходами...

Он поднялся и, нимало не заботясь о чистоте платья, шагнул прямо в вязкую грязь, чтобы поправить размытую межу.

—...следить за заилием водостоков, знать, когда и как их очищать. Всё это отныне ляжет на твои плечи. Разумеется, тебя всему научат. Каждая работа будет оцениваться, и если выдержишь испытание, официально поступишь на службу в уездный ямынь в качестве сюйли.

Чэнь Пин, кажется, уловил суть:

— Господин судья, значит, это для меня... проверка? И если я справлюсь, то стану настоящим чиновником?

Он толком не знал, есть ли в управе подобные должности и как они называются. Но однажды видел, как сосед, унаследовав от погибшего старшего брата форменное платье, в одночасье превратился в важного господина!

Святая Матушка на небесах, неужели и ему суждено когда-нибудь стать господином чиновником?

Однако Цзян Умянь сразу остудил его пыл:

— По законам Великой Чжоу, три поколения в семьях сюйли лишаются права сдавать государственные экзамены — их не допустят ни к испытаниям на знание канонов, ни к соисканию степени цзиньши. Предупреждаю сразу: эта служба даст твоим потомкам шанс пройти отбор, но передать её по наследству, как должность стражника, нельзя. И помни: если ты нарушишь закон Великой Чжоу или станешь притеснять простой люд, пощады не жди!

Выслушав суровое напутствие, Чэнь Пин ненадолго задумался, но всё же твердо ответил:

— Господин судья, ничтожный обещает беречь эти земли пуще глаза!

Он не умел рассыпаться в велеречивых благодарностях — за него всегда говорили поступки.

— Люди из строительной артели, — Цзян Умянь припомнил сильные стороны каждого (все они были простыми крестьянами, привыкшими добывать пропитание в поле), — пока перейдут под твоё начало. Ваша первая задача — научиться делать удобрения под руководством советника Линя. Пусть половина из вас перенимает мастерство, а вторая половина приглядывает за полями.

Цзян Умянь прекрасно понимал, что Чэнь Пин — далеко не идеальный кандидат. Тот не знал грамоты, не умел вести записи, понятия не имел о законах Великой Чжоу и уж тем более о том, как устроен уездный ямынь. Но какое это имело значение?

Палаты и службы управы подчинялись лично ему. Кого назначить, а кого уволить — решал только он. Способностей и честности, которые проявил Чэнь Пин, сейчас было вполне достаточно, чтобы доверить ему это дело. И этого хватало с лихвой.

Когда ливень немного утих, Цзян Умянь и Чжао Чэн вместе с артелью вернулись в город. Уездный судья велел советнику Чжану первым делом устроить уставших людей на отдых.

Переодевшись в сухое, Цзян Умянь сразу направился на кухню. Под таким проливным дождём легко подхватить простуду, так что горячий имбирный отвар был сейчас как нельзя кстати. А поскольку у господина уездного судьи времени сегодня было больше всех, да и готовить он умел лучше остальных, за дело он взялся сам.

Отобрать несколько сочных корней имбиря не составило труда. Он нарезал половину соломкой, а остальное — тонкими ломтиками и бросил в котел. Вспомнив про тёмно-красный каменный мёд, который на днях принёс Цзян Цю, судья распечатал глиняный кувшин, отколол ножом увесистый кусок и принялся крошить его в воду.

Каменным мёдом в этих краях называли тростниковый сахар-сырец. Получали его просто: отжимали сок из сахарного тростника и долго вываривали в глиняных горшках. После первой варки сахар получался совсем тёмным, почти чёрным, но с каждой последующей очисткой он становился всё светлее, вплоть до чисто-белого.

Тот сахар, что купил Цзян Цю, отливал густым красновато-бурым оттенком — его получили после второй варки. Стоил такой сорт на пять, а то и на двадцать вэней дороже самого дешёвого черного, в зависимости от чистоты.

Если в куске преобладала чернота и попадался сор, наценка составляла всего пять-шесть монет. Тот же брусок, что держал в руках Цзян Умянь, отличался ровным бурым цветом с едва заметными примесями, за такой просили никак не меньше десяти лишних вэней.

Чжао Чэн, сидевший у печи, с тихой тоской наблюдал за тем, как судья щедрой рукой крошит ценную сладость в котёл. Поразмыслив, парень взял ушат, долил в котел воды до самых краёв и только после этого вернулся к очагу.

Цзян Умянь лишь молча покачал головой.

Ему пришлось нарезать ещё одну головку имбиря — если воды слишком много, целебного тепла от напитка не дождёшься.

Подбросив дров в топку, Чжао Чэн спросил:

— Господин судья, вы хотите определить Чэнь Пина в Налоговую палату?

Из всех служб уездной управы делами межевания и пашен ведала именно Налоговая палата.

— В Налоговой палате сейчас шаром покати, — отозвался Цзян Умянь, проверяя жар под котлом. — Если наконец-то нашёлся толковый человек для этой работы, разве это плохо?

Затем он велел Чжао Чэну разжечь соседний очаг, чтобы по-быстрому сообразить обед.

Чжао Чэн раздул пламя во второй печи и, поразмыслив, заметил:

— Он понимает в земледелии, а вы всегда цените практические умения. Но ведь он не знает грамоты и не справится с бумагами. Честно говоря, ему больше подходит крестьянский труд, а не служба писцом.

Закатав рукава, Цзян Умянь принялся мыть рис для каши.

— Никто не рождается с кистью в руках, — негромко проговорил он. — Сюйли тоже всему учатся, нужно лишь направить их и набраться терпения. Чэнь Пин не обучен грамоте, зато прилежен и исполнитель. Если направлять его и учить делу, со временем из него выйдет прекрасный наставник по земледелию.

Чжао Чэн вовсе не считал слова судьи пустой фантазией. В конце концов, он сам был живым примером такого обучения. Конечно, он был моложе, имел склонность к счёту, да и в его семье из поколения в поколение ладили с деревом, что помогло ему быстро освоить ремесло.

Но разве с Чэнь Пином дело обстоит иначе? Разве что тот уже в летах, а значит, учение будет даваться ему тяжелее, да и выше головы он не прыгнет.

Однако для уездной управы это не было помехой. Главное, чтобы человек разделял взгляды

Цзян Умяня и беспрекословно исполнял его распоряжения — именно такие люди сейчас были на вес золота.

— Господин судья, значит, и в другие палаты... — Чжао Чэн быстро уловил ход мыслей своего наставника, — вы будете набирать людей так же, как Чэнь Пина?

Накрыв котёл крышкой, Цзян Умянь неопределённо хмыкнул:

— А для чего, по-твоему, нужны шесть палат управы? Как раз для того, чтобы решать насущные нужды народа.

Чины, налоги, ритуалы, ратные дела, суды и общественные работы — всё это касалось каждого простого человека. Находить способных людей прямо на местах, давать им возможность проявить себя в управлении родным краем, а затем продвигать их выше, доверяя заботу о новых землях и людях... Именно так разрозненные крупницы сплавляются в единое целое — в сильное государство, великую державу, в нерушимую цивилизацию.

Чжао Чэн смутно почувствовал в этих словах нечто непривычное, даже дерзкое, но не успел углубиться в размышления — судья продолжал:

— Уездный ямынь — это место, куда стекаются все беды и заботы края. Размыло ли дождём удобрения, пропала ли рыба в прудах, случилась ли засуха или наводнение — со всем этим люди идут к нам. А у нас рук не хватает, за всё сразу не ухватишься.

Он привел в пример сегодняшний день:

— Посуди сам: советник Чжан сейчас распределяет стражников, чтобы обустроить местных жителей и беженцев. Советник Цзян отправился в горы проверять, в безопасности ли рудокопы. Советник Линь застрял за городом, налаживая производство цемента. Помощник судьи Чжоу только-только осваивает дела Налоговой палаты, а регистратор Ян сейчас наслаждается «новой жизнью» в тюремной камере. Только мы с тобой смогли выкроить время, чтобы съездить за город, осмотреть лагерь и проверить расчёты, да и то опоздали на полдня.

— Будь у нас больше верных и знающих людей, управе не пришлось бы разрываться на части. Взять того же Чэнь Пина: он разбирается в земле и успел всё сделать ещё до нашего приезда. Одной заботой меньше! А мы с тобой смогли бы спокойно засесть за расчёты и закончить план переустройства городской канализации в Шаоюане.

— Будь у нас десяток таких людей, на пристани Шаоюаня давно бы уже швартовались суда.

Чжао Чэн знал, что у его наставника на всё есть готовый план, но всё же счёл нужным напомнить:

— Господин судья, если мы станем брать на службу приезжих крестьян, нам придётся давать им кров. А в заднем дворе управы яблоку негде упасть.

Пятеро приезжих, да ещё помощник судьи с заведующим архивом — семеро взрослых мужчин заняли и главный дом в глубине усадьбы, и оба боковых флигеля. Свободного места действительно не оставалось.

Цзян Умянь негромко вздохнул. Во все времена крыша над головой оставалась трудной задачей.

В Шаоюане почти все дома были сложены из необожжённой глины. Здание управы выглядело чуть прочнее, но ненамного — иначе в прошлый раз им не удалось бы пустить пыль в глаза прожжённым судьям и префектам из соседних округов.

— Наберёмся терпения. Как только даос Цзинь закончит с цементом, мы наладим обжиг кирпича и будем строить тёплые кирпичные дома.

Здесь в основном строили из глины и дерева, и лишь немногие могли позволить себе дома из серого кирпича. Глиняные мазанки обходились дешевле, но даже на них крестьянам приходилось годами копить, чтобы купить прочные несущие балки. Серый же кирпич стоил баснословно дорого — даже самые богатые купцы уезда покупали его разве что для постройки родовых усадеб.

Цзян Умяню не подходил ни один из этих вариантов. Глинобитные хижины, при всей их дешевизне, служили недолго.

Сводка по ветхому жилью, составленная Чжоу Цюанем, наглядно показывала, насколько ненадёжны такие постройки. За долгие годы затяжные ливни подтачивали стены, грозя обрушить кровлю на головы спящих. В сильную бурю эти лачуги мало чем отличались от навесов под открытым небом.

Судья мечтал о прочных домах из красного кирпича.

Шаоюань был богат залежами жёлтой глины, известняка, каолина и других нерудных ископаемых. Стоило Цзинь Бухуаню завершить опыты, и уезд смог бы полностью обеспечить себя собственным цементом и кирпичом.

Такой кирпич выйдет куда дешевле серого, но при этом будет намного надежнее глинобитных построек. Он прослужит долгие годы, а расходы на строительство окажутся ничтожными.

К тому же кирпичное производство потребует рабочих рук, что принесёт казне Шаоюаня неплохой доход. А если начать продавать излишки соседям, это подстегнёт торговлю во всем крае.

Теперь всё зависело от успехов даоса. Если дело пойдёт быстро, уже к следующему году дороги покроются прочным цементом, а улицы украсят добротные кирпичные дома.

На самом же деле благодаря точным предписаниям Цзян Умяня дела у даоса продвигались на удивление споро. Он уже подошёл к тому, чтобы провести первую пробу и уложить пробный участок дороги.

В эти минуты советник Линь и Цзинь Бухуань как раз осматривали результаты работы, тщательно сравнивая разные образцы покрытия.

«Сушка в тени в течение трёх дней — неудовлетворительно. Причина: избыточная влажность воздуха.

Сушка в тени в течение пяти дней — условно годно. Причина: недостаточный надзор, растрескивание от жары. Требуется беречь от прямых солнечных лучей.

Сушка в тени...»

Длинный список состоял из сплошных неудач, но причины провала каждый раз оказывались настолько разными, что советник Линь диву давался. Когда он сам брался за алхимию, дело всегда заканчивалось банальным взрывом котла — иных способов потерпеть фиаско он просто не знал.

Цзинь Бухуань сидел на корточках перед потрескавшейся серой полосой и уныло вздыхал:

— Лин Шаочи, если я покажу это господину судье, он не велит вышвырнуть меня вон из управы?

Прямо перед ним лежало растрескавшееся во многих местах полотно — явный брак.

Советник Линь тоже нахмурился:

— Но ведь пропорции в рецепте господина уездного судьи верны. Цзинь Бухуань, может, тебе стоит изменить силу пламени в печи?

Для получения цементного клинкера сырьё необходимо было тщательно прокалить на сильном огне.

Уж в чём-чём, а в укрощении огня и закалке материалов Цзинь Бухуань не знал себе равных.

Услышав сомнение в своём мастерстве, он недовольно закатил глаза.

Увидь его сейчас Цзян Умянь, непременно решил бы, что перед ним обычный шарлатан, явившийся в управу ради дармовой похлёбки. Куда только девалось благообразное величие этого «мудрого даоса»!

— Цемент обжигают именно так! — уныло буркнул даос. — Да приди сюда сам господин судья — и он обжигал бы точно так же! Дашь жару больше — всё сырьё в печи обратится в золу. Опустить температуру — останется сырым!

Когда разговор зашёл о деле, в котором он был докой, Цзинь Бухуань заметно приободрился и расправил плечи.

В Великой Чжоу не знали приборов для измерения тепла — мастера полагались лишь на собственное чутьё и опыт. А Цзинь Бухуань занимался алхимией не один десяток лет. Стоило искрам взметнуться вверх, как он уже знал, до каких пределов разгорится пламя и сколько дров нужно подбросить в топку.

Советник Линь прекрасно знал возможности своего спутника, а потому не стал придирается к силе огня:

— Если дело не в пламени и не в пропорциях, то, быть может, всему виной погода?

Его рассуждения были просты: даос в обжиге ошибиться не мог, рецепт судьи Цзяна — тем более безупречен. Раз оба мастера правы, значит, вмешались внешние силы.

В Шаоюане в последнее время то и дело лили дожди. В редкие ясные дни под палящим солнцем раствор пересыхал и покрывался трещинами, но те повреждения выглядели совсем иначе, чем на куске перед ними.

Цзинь Бухуань задумался и покачал головой:

— Старый даос видывал землю, что трескается от суши, видывал и ту, что размывает водой. Но чтобы раствор трескался от влаги — такого мне встречать не доводилось.

Приходилось признать: этот невиданный прежде состав он ещё не до конца разгадал. Нужен был совет того, кто сотворил это чудо.

— Придётся просить господина уездного судью взглянуть на это лично!